

1989 - 7 марта, - с. 4

ПОРТРЕТ

КНИГА СУДЬБЫ

СЧАСТЛИВОГО детства она не помнит. Из далекого 1937 года осталась единственная фотография — девочка с огромными лучистыми глазами обнимает крепкого мужчину в гимнастерке. Этот сильный, плечистый человек — ее отец, крупный экономист Михаил Александрович Абашидзе.

А потом были бесконечные снега, Магадан, бухта Нагаево, куда после ареста отца сослали ее беременную мать с маленькой дочкой. Брат Георгий родился уже в ссылке. Вспоминается детдом, семикилометровая дорога в сельскую школу по глубокому, вязкому снегу, ученические концерты, когда хором пели про счастливое детство, а ей мучительно хотелось есть и видеть маму. Тогда же местная газета напорошила юной певунье и танцовщице Лейле Абашидзе большое артистическое будущее. После расстрела отца мать надломилась, попала в больницу, а Лейлу суровые люди в гимнастерках отправили этапом в Грузию. Девочку воспитали родственники, и только через много лет ей удалось снова встретиться с матерью и братом...

Шла война. Девятилетняя Лейла, до этого не видевшая ни одного фильма, по объявлению в газете отправилась на киностудию «Грузия-фильм», приглашавшую на пробы девочек до 10 лет. Комиссия Лейлу отвергла, но случилось невероятное. Непосредственная школьница, не очень огорчившись отказом, выбежав из комнаты, съехала вниз по перилам лестницы и попала... прямо в объятия режиссера-постановщика фильма «Каджана» К. Пипинашвили. Так режиссер нашел свою героиню — озорную и непосредственную девчонку-сорванца Като, а Лейла Абашидзе — одна из популярнейших актрис грузинского кино — вписала первую строку в книгу своей судьбы.

Когда в 1949 году Лейла Абашидзе окончила школу, сомнений в выборе профессии не было — она должна продолжить традиции семьи: ведь бабушке Марии Бараташвили посвящал стихи сам Акакий Церетели, в доме восхищались знаменитым родственником — корифеем грузинского театра Васо Абашидзе, пели, музицировали, увлекались театром, ценили грузинское слово, поэзию. Искусство в этой семье было необходимой потребностью души даже в самые мрачные годы.

Поступив в Театральный институт имени Ш. Руставели, она постигала азы мастерства у таких видных деятелей грузинского театра, как А. Хорава, Д. Алексидзе, М. Туманишвили. Интересно сыграла Наталью Петровну в спектакле «Месяц в деревне», Абигайль в «Сейлемском процессе». Все сулило радость.

Так и случилось. После выхода на экраны в 1954 году фильма известного грузинского кинорежиссера Сико Долидзе «Стрекоза» родилась Лейла Абашидзе — кинозвезда. Зрители республики, всей страны полюбили девушку Маринэ из далекого грузинского села — открытую и лукавую, бесхитростную и лиричную. Песенка Стрекозы звучала на каждом шагу. Стрекоза Лейлы Абашидзе выпорхнула за пределы наших границ. Во время Недели советских фильмов в США критика назвала актрису «советской Мари Пикфорд».

В недавнем фильме Ланы Гогоберидзе «Круговорот» Лейла Абашидзе сыграла роль стареющей, неприкаянной и неустроенной, чужойки взбалмошной женщины, некогда популярной «звезды» Мананы Иашвили. В будне сапожника, пытаюсь починить сломанный каблук, она видит свой портрет периода славы, всеобщей любви и стыдливо прикрывает шляпкой лицо. Этот пронзительный до боли, достоверный кадр — штрих из биографии самой актрисы. Биографии, в которой соседствуют счастье и горе, радость и отчуждение.

Прокручивая ретроспекцию пережитого, она вспоминает многое — блеск фестивалей и хо-

лод непонимания, всенародное признание и грусть одиночества. Бережно хранит реликвии, письма, фотографии, документы. Один из них до сих пор бередит сердце. Читаю: «Постановление тройки УНКВД по Дальстрою от 28 февраля 1938 года отменено и дело производство прекращено за отсутствием состава преступления. Абашидзе Михаила Александровича считать реабилитированным». Эта пожелтевшая, полустлелая бумажка 1959 года из Магаданского областного суда дороже всего. Несколько лаконичных фраз — восстановление доброго имени, памяти, чести — для нее дороже, чем восторженные рецензии.

50—60-е годы Лейла Абашидзе много снималась в фильмах, вошедших в историю грузинской кинематографии: «Заноза», «Хевисбери Гоча», «Десница великого мастера», «Майя из Цхнети». Эта роль крестьянской девушки Майи — грузинской Жанны д'Арк — заняла важное место в творческой биографии актрисы. Лирическая героиня исторической комедии стала символом всех матерей и дочерей Грузии.

1968 год стал водоразделом в судьбе Лейлы Абашидзе. Она сыграла сложную роль Нино в фильме С. Долидзе «Встреча с прошлым». Раскрыла внутренний мир женщины, в судьбе которой как бы сомкнулись любовь и ненависть, прошлое и настоящее. Ее дуэт с Серго Закариадзе был безупречен. За эту работу Лейла Абашидзе была удостоена приза «За лучшее исполнение женской роли» на Всесоюзном кинофестивале в Ленинграде.

Тогда актриса находилась в самом расцвете творческих сил. Я рассматриваю фотографии тех лет, письма, рецензии, фиксирую встречи с Жераром Филипом, Жаном Маре, Джинной Лоллобриджидой, Акирой Куросавой. И вдруг все кончилось. Прекратились звонки с киностудии, полное молчание в прессе, словно вообще не существовало актрисы. Мир потускнел, стал черно-белым. Эта гнетущая зона молчания растянулась на десять лет. Лейла Абашидзе словно выпала из сознания кинематографистов, была отмечена не столько временем, сколько равнодушием.

Гордая и самолюбивая актриса не хотела унижаться, обходить инстанции и кабинеты в поисках работы. Лейла взяла на себя бремя забот о близких, сыне, ночь сидела за книгами,

писала стихи, сценарии, пробовала свои силы и в режиссуре, поставила лирическую комедию «Тифлис — Париж и обратно...»

Она дождалась. Десятилетний интервал молчания взорвался предложением Ланы Гогоберидзе сниматься в «Круговороте», и актриса с радостью согласилась, рассказав в фильме не только о себе, но и о многих своих коллегах, которых забыли, «вычеркнули» из жизни. В трудных жизненных коллизиях ее героиня не ожесточилась, сохранила в себе милосердие и любовь. Манана, как и сама Лейла Абашидзе, встречает удары судьбы мужественно, не теряя юмора, медленно постигая, что больше славы и достатка важны доброта, внимание к окружающим, ощущение неповторимости и удивительности окружающего мира.

На III Токийском международном кинофестивале «Круговорот» завоевал официальный приз за лучшую режиссуру. Неофициальным зрители, председатель жюри фестиваля Грегори Пек наградили Лейлу Абашидзе. «Несравненной Лейле Абашидзе — лучшей актрисе III Токийского международного фестиваля. Грегори Пек», — написал ей знаменитый актер.

— Актер — феноменальный инструмент природы, человек, умеющий открыть в себе 1.000 лиц, удивительное явление искусства, умирающее и возрождающееся вновь, — говорит мне она и сразу называет имена. — Феноменальным, непонятым и неизученным в должной степени инструментом природы были выдающиеся грузинские актеры Ушанги Чхеидзе, Нато Вачнадзе, Серго Закариадзе... Сейчас в кино господствует диктат режиссера, но ведь актер — конкретное воплощение идеи фильма, посланник к зрителю, душа фильма и слепок всех тех, кто сидит в зале. Убеждена, что именно невниманием к актеру обусловлена нивелировка искусства, исчезновение «звезд», снижение шкалы ценностей в наших фильмах.

Она замолкает на секунду и добавляет:

— Я мечтаю играть в театре, слишком много накопилось идей, замыслы рвутся наружу. Хочу работать — только так, очевидно, можно добиться счастья, которое я воспринимаю как душевное равновесие и творческое удовлетворение. Годы бездействия и молчания, возможно, были закономерны. Жизнь ведь не маратонский бег, не только взлеты, но и остановки, падения. У меня появилось время подумать и — уйти дальше. И я рада, что сейчас кровотоками жизни заполняются замыслы, продуманные в бесконечно долгие ночи. Моя жизнь в кинематографе началась с образов лирических и комедийных героинь, затем была драма. А мне хотелось бы в одном фильме совместить и смех, и любовь, и слезы, и фарс, и трагедию, одним словом, жизнь.

И Лейла Абашидзе рассказывает такую историю:

— Я в то время мучительно искала зерно образа Нино из фильма «Встреча с прошлым». Режиссер был недоволен рабочими кадрами, я тоже была неудовлетворена. Однажды, внезапно решив надеть глухое, черное платье крестьянки, я взяла мотыгу и босиком отправилась на кукурузное поле. Мотыжила допоздна. Лицо потемнело, кожа потрескалась, глаза застилал пот. Уставшая, я к вечеру присела у обочины дороги. Проходившие мимо крестьяне не узнали меня и поднесли «старухе» кусок кукурузной лепешки. Я давила ее и была счастлива. И роль вскоре подалась: я изнутри ощутила себя грузинской крестьянкой. Этот жалостливый кусок лепешки — самая большая награда мне, актрисе.

Да, такое не забывается.

Лейла Абашидзе, отмечая суетное, достигла подлинной душевной зрелости. Истинно национальная актриса по пластике, амплитуде чувств, стилистике игры, она сумела приблизить образы грузинских женщин зрителям многих стран мира и сохранить себя и в зыбком ореоле славы, и в годы молчания, и сейчас, в период надежды.

Из МУХРАНЕЛИ.
(Наш соб. корр.)

ТБИЛИСИ.